ОБЗОРЫ

*Владимир Попов**

**Minqi Li. The Rise of China and the Demise of the Capitalist World-Economy.
— London: Pluto Press, 2008. — 208 с.**

**Минци Ли. Подъем Китая и упадок капиталистического миро-хозяйства.
— London: Pluto Press, 2008. — 208 с.**

Аннотация. Реферируемая книга представляет собой исследование причин и следствий исторического подъема Китая в рамках капиталистического миро-хозяйства. Автор полагает, что предпосылки экономического «чуда» Китая конца 1980-х — начала 2000-х годов заложены в Маоистский период (1950—1976), и показывает, что экономические успехи Китая обусловлены как отказом от политических, социально-экономических и правовых достижений социалистической эпохи, так и распространением на Китай неолиберальной модели глобального капиталистического хозяйства. Автор утверждает, что стремительный экономический подъем Китая серьезно нарушил баланс капиталистической миро-системы и грозит подорвать ее экологическую устойчивость.

Ключевые слова. Капиталистическая миро-система, социализм, неолиберализм, базовые потребности, экологическая устойчивость, переход к посткапиталистическому обществу.

Предлагаемый читателю обзор книги китайского политэкономиста и социолога Ли Минци «Подъем Китая и упадок капиталистического миро-хозяйства» требует в качестве пояснения нескольких вступительных слов. Почему наше внимание привлекла именно эта книга о китайском обществе и будущем миро-системы? Дело в том, что внушительные экономические успехи современного Китая не просто поражают воображение множества наблюдателей, а непосредственно бросают радикальный вызов для всестороннего осмысления последствий этого феномена для миро-системы в целом. Как изменится в скором времени мировое хозяйство, пережив нагрузки впечатляющего роста китайской промышленности? Какие произойдут геополитические сдвиги? Станет ли Китай новым мировым гегемоном, вытеснив с этой позиции США? Займет ли юань место доллара в качестве мировой резервной валюты? Эти вопросы становятся центральными темами анализа все большего количества специалистов в области социальных наук. В ряду скрупулезных исследований стремительного расцвета Китая книга Ли Минци претендует на особое место. Суть его работы лаконично выразил Иммануэль Валлерстайн: «Ли Минци проделал нечто отличное и очень важное. Он поместил «подъем Китая» от эпохи Мао до нынешних времен в контекст истории единой миро-системы. Он убедительно показывает, что сам успех капиталистических методов в Китае настолько обременил способность к накоплению миро-системы как целого, что этот подъем становится главным фактором в будущем упадке капиталистической миро-системы»¹. Таким образом, в книге китайского обществоведа отрабатывается одна из стержневых гипотез миро-системного подхода в социологии о неизбежном закате капиталистического миро-хозяйства и его будущей замене на другую историческую систему. Согласно выводам китайского ученого, решительный удар по современным практикам накопления капитала нанесет анаболический рост экономики Китая, который одновременно обостряет международную конкуренцию за убывающие ресурсы миро-системы и разрушает ее экологическую устойчивость. В этом отношении книга Ли Минци представляет собой существенный вклад в развитие миро-системного анализа, по-прежнему довольно влиятельного исследовательского направления в социальных науках.

Несколько слов следует сказать о самом авторе, неизвестном российской аудитории. К тому же перипетии его судьбы дают несомненный повод это сделать. В 1987—1990 гг. Ли Минци был студентом Пекинского университета, изучал экономику, находился под влиянием работ неолиберальных экономистов «чикагской школы». Он активно участвовал в политических протестах, последовавших за событиями на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. В 1990 году был арестован

* **Попов Владимир Анатольевич** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ ГУ-ВШЭ, va-popov@yandex.ru
© Центр фундаментальной социологии, 2009

© Попов В., 2009

¹ <http://www.econ.utah.edu/~mli/index.htm>

китайскими властями за пропаганду свободного рынка и до 1992 года пребывал в китайской тюрьме. В период заключения происходит решительный переворот в мировоззрении Ли Минци. В тюрьме он знакомится с трудами К.Маркса, Ф.Энгельса, Мао Цзэдуна. После освобождения из заключения Ли Минци уже убежденный марксист. Два последующих года он провел в поездках по Китаю, пытаясь осмыслить кардинальные трансформации общества. В это время он активно критикует как политическую программу китайских либералов, так и действия представителей правящего режима, решительно свернувших на путь авторитарного госкапитализма. В 1994 году он уезжает в США, становится аспирантом Массачусетского университета, в 2002 году получает докторскую степень в области экономики, защитив диссертацию «Три эссе о китайских государственных предприятиях: к альтернативе приватизации». В 2001 году исследовательский интерес Ли Минци смещается в сторону миро-системного анализа, представителем которого он и является в настоящее время.

Исследование китайского обществоведа «Подъем Китая и упадок капиталистического миро-хозяйства» опирается на широкий фактографический материал из новой и новейшей социально-политической и экономической истории Китая, позволяет, по нашему мнению, глубже прочувствовать связи экономического подъема Китая с динамикой капиталистического миро-хозяйства, а также с сопутствующей экологической проблематикой.

* * *

Отправной пункт исследования Ли Минци — это анализ мировых исторических процессов, а не просто фактов расцвета экономической мощи Китая. «Является ли исторический феномен подъема Китая одним из последовательных циклических движений существующей мировой системы (как это произошло с Республикой Соединенных провинций, Великобританией и Соединенными Штатами), посредством которых система обновилась и воспроизвела себя в значительно более крупных масштабах, хотя и в других обличьях и при других формах лидерства? Или на этой раз все по-другому? В какой степени возвышение Китая предполагает «поворотный пункт», новое направление?» (р. 1). Речь идет о мировой системе, которую основатель миро-системного анализа И.Валлерстайн определяет как «...социальную систему, имеющую границы, структуры, групповое членство, правила легитимации и внутреннюю слаженность. Ее жизнь слагают конфликтующие силы, которые скрепляют ее своим напряжением и разрывают, по мере того как каждая группа неизменно пытается переопределить ее в свою пользу. Она имеет характеристики организма в том отношении, что за определенный промежуток жизни ее характеристики в некоторых аспектах меняются, а в других остаются стабильными. Ее структуры могут определяться в различные моменты времени как сильные или слабые только с точки зрения внутренней логики ее функционирования»².

По мнению Ли Минци, последовательно развивающиеся теоретические положения миро-системного подхода, исторический капитализм как социальная система возник в определенных исторических условиях и способен существовать только в рамках определенного исторического периода. Рано или поздно, утверждает он, исторические условия изменятся и окажутся несовместимыми с доминирующей социальной системой, она будет заменена одной или несколькими новыми социальными системами, сообразными уже новым историческими условиями (р. 2). От каких же исторических условий зависит существование и развитие капитализма? Можно ли определить переломный пункт, за которым капитализм перестанет существовать как капитализм? Как новые исторические условия будут ограничивать и обуславливать возможные формы будущей социальной системы?

Вслед за И.Валлерстайном Ли Минци выделяет два основных признака капитализма: стремление к бесконечному накоплению капитала и наличие системы конкурирующих государств. Оба признака подталкивают капиталистическое миро-хозяйство к постоянной экспансии. Накопление капитала требует непрерывных реинвестиций прибыли в новый цикл накопления, а межгосударственная конкуренция создает для этого благоприятные условия. До XIX столетия, отмечает он, императорский Китай не участвовал в капиталистическом миро-хозяйстве, ядро которого в то время составляла Великобритания. Еще в 1820 году Китай являлся крупнейшей мировой территориальной экономикой, находящейся под единой политической юрисдикцией, и производил приблизительно треть мирового валового продукта³. Ни одно европейское государство не

² Wallerstein I. The Modern World System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the 16th Century. — New York: Academic Press, 1974.

³ По данным Ли Минци, в начале XIX столетия совокупный ВВП Азии в целом составлял 2/3 мирового ВВП (р. 24).

могло сравниться с Китаем по военной мощи. Китайская империя охватывала территории государств Бирмы, Вьетнама, Кореи, Лаоса, Японии и строилась на принципах сбора дани. Однако к этому времени Великобритания, подчинив своей власти Индию, сместила центр глобальной экономики в Западную Европу. Начало инкорпорации Китая в капиталистическое миро-хозяйство, отмечает Ли Минци, положили две Опиумные войны (1839—1842 и 1856—1860), инспирированные Великобританией, опиравшейся в своей экспансии на Восток, на людские и природные ресурсы Индии. Проиграв обе войны, императорский Китай уступил Великобритании Гонконг, открыл шесть портов, включая Шанхай, для международной торговли, предоставил экстерриториальный статус западным торговцам, политикам и миссионерам, потерял автономию назначения экспортных и импортных тарифов. Западные державы (Великобритания, США, Франция) помогли императорской династии Цин подавить мощное крестьянское восстание тайпинов 1850—1864 гг., в еще больше мере поставив официальный Пекин в зависимость от своих интересов. Хотя в тандеме с провинциальными землевладельцами, образовавшими локальные военно-политические клики в ходе усмирения восстания тайпинов, была предпринята ограниченная попытка военной модернизации, Китайско-японская война 1894—1895 гг. привела к полному поражению императорского Китая и распаду империи. Подавление Боксерского восстания 1899—1901 гг. войсками коалиции Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, России, США, Франции и Японии окончательно закрепило за Китаем статус полуколониального государства. Таким образом, отмечает Ли Минци, инкорпорация Китая в капиталистическое миро-хозяйство не только привела к дезинтеграции традиционной социальной структуры, но и заложила фундамент для последующих его революционных трансформаций. При этом главную роль преобразователей Китая, считает он, сыграли полевые командиры, оказавшиеся в то время наиболее дееспособным слоем общества. Национальная буржуазия играла не более чем ограниченную роль посредника между крупными землевладельцами и мировым рынком и не могла выступить во главе перемен. Крестьяне и рабочие были дезинтегрированы. Интеллигенция представляла собой замкнутую прослойку. На протяжении почти всей первой половины XX века, замечает Ли Минци, внутренними делами Китая заправляли те, кто мог непосредственно мобилизовать и контролировать военные силы. «Политическая власть исходит из ствола винтовки» — эти слова Мао Цзэдуна исчерпывающе характеризуют этот исторический период⁴.

К середине XX столетия, констатирует Ли Минци, Китай уже относился к одной из беднейших стран мира и представлял собой подлинную периферию мирового хозяйства. Если в начале XIX века разрыв в доходах ВВП на душу населения между странами Запада и Китаем был 2:1, то к 50-м годам XX столетия этот разрыв составил 20:1. Возвышение Запада явно проходило за счет оскудения ресурсов Азии. В середине XX столетия хозяйственные интеракции между Китаем и ведущими державами глобальной экономики находились на незначительном уровне и главными причинами невнимания к Китаю были неразвитость его индустриальных и технологических возможностей, неорганизованность трудовой силы, локализованной преимущественно в сельских районах. Но это одновременно означало, что Китаю отводилась роль «стратегического резерва» мирового хозяйства, к которому при случае можно обратиться.

Чтобы догнать Запад, подчеркивает Ли Минци, нужно было мобилизовать все доступные ресурсы для ускоренного накопления капитала и минимизировать неэквивалентный обмен добавочного продукта (surplus) с государствами ядра капиталистической миро-системы (р. 26). Упразднив после победы в Гражданской войне (1927—1950) мелкопоместные владенья, прежний бюрократический аппарат и засилье иностранных капиталистов, государство под руководством Коммунистической партии Китая (КПК) сосредоточило основные экономические ресурсы в своих руках и провело ряд кардинальных реформ в сельском хозяйстве и структуре промышленности. К 1952 году, отмечает Ли Минци, норма производственного накопления достигла 21% (накопление как доля национального дохода), а к 1970-м годам эта норма составила уже 30%.

С 1950-х по 1970-е годы основными признаками китайской хозяйственной системы были государственная собственность на средства производства в городах, коллективная собственность на средства производства в сельской местности и централизованное экономическое планирование. Как утверждает Ли Минци, именно в Маоистский период (1950—1976) была заложена база для китайского «чуда» конца 1980-х годов. Именно в этот период были сделаны крупные инвестиции в тяжелую индустрию, ирригацию, транспорт и др. Централизованная система планирования, по его мнению, оказалась достаточно эффективной в продвижении индустриальных и сельскохозяйственных технологий. Экономические показатели роста ВВП этого периода (4,7%) были

⁴ http://ru.wikiquote.org/wiki/Мао_Цзэду́н

сопоставимы с аналогичными показателями стран Западной Европы (4,5%), а по данным официальной китайской статистики, даже превосходили их (6,7%). Продолжительность жизни выросла на 30,5 лет, а безграмотность населения снизилась на 14,2%.

Одним из важнейших признаков исторических социалистических государств, замечает Ли Минци, была их способность удовлетворять «базовые потребности» значительного количества населения, что отличало эти государства от государств периферии и полупериферии капиталистического миро-хозяйства. В то время как стремление к непрерывному накоплению, продолжает он, целиком определяет законы и динамику капитализма, удовлетворение базовых потребностей поднимает фундаментальные вопросы о рациональности существующей мировой системы. Есть ли сущностное оправдание стремлению к бесконечному накоплению? Рационально ли само это стремление? Так, в духе Макса Вебера, ставит вопросы Ли Минци. Если хозяйственное развитие, как повсеместно предполагается, направлено на увеличение благосостояния населения, как тогда это благосостояние может быть определено и измерено? Есть ли пределы рационального материального потребления ввиду чрезвычайно обострившихся экологических проблем?

Ли Минци предлагает свои решения с опорой на теоретические разработки экономиста Амартия Сена, призвавшего использовать индикаторы человеческих способностей, а не денежного дохода и материального богатства для измерения благосостояния и жизненных стандартов⁵. Если бы существовало «сущностно рациональное» общество, говорит китайский социолог, и это общество вело бы прозрачные, рациональные дебаты об уровне и структуре потребления, которые наилучшим образом могли бы служить его членам, то нетрудно прийти к общему мнению, что потребление в любом случае не должно подрывать экологическую устойчивость общества. Хотя едва ли продуктивно дискутировать о «наиболее» рациональном уровне материального потребления, но дискуссия о потреблении на уровне обеспечения минимума материальных условий, обеспечивающих реализацию физического и умственного потенциала, вполне оправданна. Но ведь исторические социалистические государства, и в том числе Китай Маоистского периода (1950—1976), констатирует Ли Минци, достигли несомненных успехов в обеспечении минимума материальных условий, способствующих реализации человеческого потенциала. Основные показатели физического потенциала — здоровье, продолжительность жизни, а также показатель умственного потенциала — всеобщая грамотность — в этих государствах резко выросли (р. 33). Эти достижения были связаны в первую очередь с тем, что социалистические государства (прежде всего СССР и Китай) — это исторический продукт революций и социальных изменений, основанных на широкой мобилизации и поддержке рабочих и крестьян, составлявших большинство населения. Однако со временем произошли важные социально-политические сдвиги, в конечном итоге направившие Китай на капиталистический путь развития.

С начала социалистических преобразований в 1950-е годы Китай по-прежнему оставался частью капиталистического миро-хозяйства, находился под постоянным военным давлением, экономически был вынужден конкурировать с другими державами. Мобилизация ресурсов с целью накопления национального капитала требовала изъятия добавочного продукта у рабочих и крестьян в распоряжение государства. Это, в свою очередь, предоставляло возможность занятым в государственном управлении бюрократам сосредоточить в своих руках политическую власть и действовать в своих корпоративных интересах. В ходе анализа новейших источников, касающихся общей ситуации в стране и внутрипартийных отношений в КПК в конце 1950-х годов, Ли Минци заключает: «Коммунистическая партия уже эволюционировала из революционной организации, члены которой были преданы революционным идеалам, интересам трудящихся и были готовы на самопожертвования, в организацию, включающую множество карьеристов, озабоченных по преимуществу личной властью и обогащением» (р. 50). Драматическая напряженность этой ситуации ставила перед жестким политическим выбором: дрейфовать в сторону реанимации капиталистических отношений, а значит, перечеркнуть прошлые достижения (это течение представляла политическая группировка Лю Шаоци и Дэн Сяопина), либо отстаивать социалистические идеалы и двигаться дальше в построении справедливого общества (позиция Мао Цзэдуна и его сторонников). Эта коллизия, по мнению Ли Минци, представляет собой основное противоречие социализма (р. 51). В каждом из социалистических государств подобная оппозиция возникала и имела свою специфику.

По мере того как КПК в начале 1950-х укрепляла свою власть в китайском обществе, рост ее политического влияния включал «социальный пакт» и серию «исторических компромиссов»,

⁵ Амартия Кумар Сен (англ. Amartya Kumar Sen), индийский экономист, лауреат Нобелевской премии 1998 г. Разработчик индекса развития человеческого потенциала (вместе с М.Десаи).

совершенно отличных по своей сути от схожих соглашений в государствах капиталистического ядра и полупериферии. В социалистических государствах изъятие и накопление добавочного продукта опирается главным образом на готовность трудящихся предоставить государству значительную долю своего труда, т.е. на развитое социалистическое сознание. А последнее, в свою очередь, подкрепляется реальными гарантиями государства, состоящими в обеспечении занятости и минимального дохода, в доступе к услугам здравоохранения и образования, в наделении субсидированным жильем и пенсией по старости. Более того, эти социальные гарантии налагают существенные ограничения на техники изъятия добавочного продукта, доступные государственным чиновникам и разного рода управленцам. «В той мере, в какой рабочие и крестьяне, — пишет Ли Минци, — идентифицируют себя с социалистическим государством и рассматривают государственный контроль над добавочным продуктом как отвечающий их общим долгосрочным интересам, изъятие добавочного продукта оказывается относительно эффективным и накопление происходит с разумной скоростью. Но если эта идентификация не удастся, тогда изъятие добавочного продукта становится трудным и следует кризис накопления» (р. 52). Помимо активизации социалистического сознания, указывает он, государственные бюрократы и управленцы могут прибегать к использованию «материальных стимулов» в качестве альтернативной техники изъятия добавочного продукта. «Только в теории выплата заработной платы рабочим, — подчеркивает Ли Минци, — может быть структурирована таким способом, что она окажется пропорциональной их трудовым вкладам. В действительности же система материальных стимулов создает внутренний трудовой рынок в рамках любой действующей социалистической организации. Это приводит к разделению внутри рабочего класса, подрывает контроль трудящихся над их собственным процессом труда, выделяет некоторых квалифицированных рабочих в качестве трудовой аристократии и обеспечивает оправдание материальных привилегий бюрократических и технократических элит» (р. 52). Именно к реализации стратегии «материальных стимулов» склонялась политическая группировка Лю Шаоци и Дэн Сяопина, опиравшаяся к тому времени на широко разросшийся слой центральной и провинциальной бюрократий. Но эта стратегия вступала в явное противоречие с провозглашенными принципами китайской революции, которые, будучи еще полевыми командирами, Лю Шаоци и Дэн Сяопин сами отстаивали в Гражданской войне (1927—1950).

К середине 1960-х годов, отмечает Ли Минци, Мао Цзэдун окончательно расстался с надеждой реформирования партии изнутри, а социальные противоречия, вызванные перегибами при реализации проекта Большого скачка (1958—1960), массовыми бедствиями, последовавшими за неурожаем в начале 1960-х годов, грозили вырваться на поверхность и дестабилизировать социально-политическую ситуацию. При поддержке своих сторонников под лозунгом выступления против «капиталистических попутчиков, заправляющих в партии», Мао Цзэдун в конце 1965 года перешел к решительным действиям, известным в истории как Великая пролетарская культурная революция (1965—1976)⁶. Не вдаваясь сейчас в подробное обсуждение хода исторических событий Культурной революции, отметим те причины, на основании которых, по мнению китайского обществоведа, этот политический проект оказался неудачным. Во-первых, отмечает он, внешнее давление и межгосударственная конкуренция только усиливались, налагая на Китай свои ограничения. Без достижения быстрой победы внутривнутриполитическая ситуация не могла находиться долго в неопределенном состоянии, не подорвав позиции страны в рамках капиталистической мир-системы. После 1969 года Культурная революция фактически сворачивается, и старые партийные кадры восстанавливают свои позиции. Во-вторых, сторонникам Мао Цзэдуна, даже несмотря на его личную харизму и бесспорный авторитет, не удалось установить эффективный контроль над армией, который после неудавшейся попытки государственного переворота под руководством министра обороны Линь Бяо в 1971 году фактически перешел в руки Дэн Сяопина. Наконец, городское и сельское население Китая оказалось в целом неготовым к напряжению, которое идеологически было трудно обосновать, исходя из его повседневного опыта. Хотя, как отмечает Ли Минци, проявлялось

⁶ Прочтение исторических событий на всем протяжении исследования Ли Минци идет вразрез со многими распространенными версиями истории Китая Маоистского периода (1950—1976), объясняющими главные причины социально-политических изменений того времени исключительно преследованием «культы личности», болезненным властолюбием Мао и возникающими отсюда различного рода крайностями, как если бы приверженность идеям и идеалам как одна из основ социальных действий не играла никакой роли в истории и объявлялась фикцией, маскирующей единственно маниакальное стремление к власти. В своей работе Ли Минци всячески стремится показать, что как приверженность идеалам, так и нормативная база действий являются далеко не последними факторами, обуславливающими социально-политическую повестку и пространство возможного.

явное недовольство расцветом бюрократии и коррупции, однако близкой угрозы «капиталистической реставрации» население в целом не ощущало. «Опустошенный безрезультативными политическими баталиями, городской рабочий класс стал политически пассивным и был захвачен врасплох контрреволюционным переворотом 1976 года. С поражением сторонников Мао рабочий класс потерял идеологическое и организационное лидерство. Будучи обескураженным и деполитизированным, китайский рабочий класс оказался использованным правящими элитами и конформистским «демократическим движением» среднего класса, прокладывая тем самым себе путь к своему трагическому поражению в 1990-е годы» (р. 58).

Триумф китайского капитализма, констатирует Ли Минци, был подготовлен целенаправленными усилиями Дэн Сяопина, вставшего в 1979 году у руля КНР. Инициированные им реформы, прежде всего введение «системы семейного контракта» в сельском хозяйстве, сразу дали ощутимые результаты. Производительность труда в сельском хозяйстве за счет ускоренного использования химических удобрений и пестицидов возросла, повысились доходы крестьянских домохозяйств. Насыщение рынка местными продовольственными продуктами улучшило материальное положение рабочих в городах. Ощутимые успехи реформы позволили к середине 1980-х годов сконцентрировать политическую власть в лагере «реформаторов» во главе с Дэн Сяопином. Именно с этого времени, считает Ли Минци, начинается скорый поэтапный переход Китая на путь капиталистического развития. В 1988 году принимается закон «О предприятии», наделивший высших управленцев госпредприятий практически неограниченной властью, в том числе нанимать и увольнять сотрудников. Развитие рыночных отношений предоставило бюрократам и управленцам различных рангов широкие возможности обогащения. Появился новый класс капиталистов-бюрократов. При этом зарождение этого класса, отмечает китайский социолог, сопровождалось значительными уступками трудящимся предприятий. Для повышения производительности труда управленцы повсеместно прибегали к материальному стимулированию, в городах отмечался рост заработной платы. Однако «новая сделка» привела к резкому скачку инфляции, поскольку de facto новые владельцы предприятий попытались компенсировать снижение рентабельности вследствие повышения зарплат ростом цен на выпускаемую продукцию (р. 61).

Китайская интеллигенция, отмечает Ли Минци, представлявшая в 1980-е годы уже довольно широкий городской слой образованных людей, поначалу была воодушевлена реформами Дэн Сяопина. Интеллигенция рассчитывала на ускоренное вхождение в глобальный капиталистический рынок, надеялась на улучшение своего материального положения, в том числе путем устройства на престижные места в транснациональных корпорациях. Уже к концу 1980-х годов большинство представителей интеллигенции призывали к полномасштабной приватизации и свободному рынку. Однако в процессе капиталистических преобразований между новым классом капиталистов-бюрократов и представителями интеллигенции возник неожиданный конфликт: никто из первых не собирался делиться с интеллигенцией ни политической властью, ни доходами. В адрес КПК раздавалась острая критика, прокатилась волна студенческих протестов. «Интеллектуалы были разочарованы тем фактом, что по мере постепенной концентрации богатства в руках капиталистов-бюрократов и частных предпринимателей они не получали доли от вновь накапливаемого капиталистического богатства. Многие из них сетовали на то, что их доход не рос так быстро, как доход городских рабочих» (р. 62). На повестку дня, отмечает Ли Минци, стали выноситься альтернативные проекты преобразований, в том числе проекты «неоавторитаризма» по типу Тайваня, Сингапура и Южной Кореи, которые были более репрессивны в отношении интересов рабочего класса и более дружелюбны в отношении «прав собственности» и «гражданских свобод», за что больше всего ратовала интеллигенция. В конечном итоге на почве ущемления интересов городских рабочих возник своеобразный симбиоз интересов нового класса капиталистов-бюрократов и представителей интеллигенции. «Для того чтобы китайский капитализм мог выжить и процветать, остаток экономической власти китайского рабочего класса должен быть уничтожен. Более того, необходимо было создать массы дешевой рабочей силы, что, в свою очередь, позволило бы китайскому капитализму эксплуатировать свое «сравнительное преимущество» и таким образом процветать посредством накопления, ориентированного на экспорт» (р. 62).

На протяжении 1990-х годов, констатирует Ли Минци, большинство государственных и коллективных предприятий Китая было приватизировано. Десятки миллионов рабочих были уволены. У оставшихся сотрудников были существенно урезаны социальные права. Демонтаж коллективных форм в сельском хозяйстве и государственного присутствия в социальной сфере привел к созданию невиданной еще в истории армии «трудовых мигрантов», составившей значительный контингент дешевой трудовой силы транснациональных корпораций и местных

капиталистических предприятий⁷. Однако ускорение этих процессов необходимо понимать в контексте сопутствующих трансформаций капиталистического миро-хозяйства.

В начале 1970-х годов в странах капиталистического ядра (США, Западная Европа) разгорелся сильный экономический кризис. В его основе, согласно положениям миро-системного подхода, лежали две фундаментальные тенденции, серьезно уменьшавшие прибыли капиталистических корпораций. С одной стороны, укрепление государства всеобщего благосостояния в период 1950—1960-х годов вылилось в заметное усиление экономической власти наемного труда. С другой стороны, упрочению этой власти содействовала интенсивная урбанизация, значительно сократившая долю аграрного населения, а значит, резерва дешевого труда. Ответом на кризис накопления в центре капиталистического миро-хозяйства стала политика неолиберализма, набравшая полный ход при президенте Р.Рейгане в США и премьер-министре М.Тэтчер в Великобритании. Одним из главных инструментов этой политики, отмечает Ли Минци, оказался последовательный монетаризм, призванный под видом борьбы с инфляцией подорвать экономическую власть наемного труда путем увеличения безработицы. Другими инструментами неолиберализма стали сворачивание проекта государства всеобщего благосостояния, образование «гибкого» рынка труда, дерегулирование финансовых рынков, либерализация торговли. Иными словами, стратегия неолиберализма была направлена на повышение нормы прибылей посредством зажима заработанных плат и сворачивания социальных расходов. К 1990-м годам стало ясно, что институциональные структуры неолиберализма начали доминировать в глобальной экономике. «Путем все большей и углубленной интеграции периферийных и полупериферийных экономик в капиталистическое миро-хозяйство в форме торговой и финансовой либерализации, капитал из зоны ядра смог переместиться на периферию и полупериферию, где были в наличии огромные резервы дешевого труда и было мало политических ограничений на нещадную эксплуатацию ресурсов и деградацию окружающей среды, увеличивая тем самым глобальную норму прибыли» (р. 69).

«Подъем Китая» и других азиатских государств, уверяет Ли Минци, следует понимать именно в контексте политики неолиберализма стран ядра капиталистического миро-хозяйства. Стремительный промышленный рост Китая привел к четырем важным глобальным последствиям. Во-первых, к «эффекту угрозы» в странах ядра, позволившему предпринимателям занижать заработную плату сотрудникам, аргументируя в ином случае переносом бизнеса в Азию. Во-вторых, к снижению цен на большинство промышленных товаров, поскольку неэквивалентный обмен между Китаем и странами ядра давал возможность изъятия существенной доли добавленной стоимости в их пользу. По данным Ли Минци, только 10,5% добавленной стоимости оставалось в Китае в 2002 году, львиная же доля распределялась между Гонконгом (26,3%) и США (63,2%). В-третьих, рост китайской промышленности ускорял глобальный экономический рост, а сам Китай становился локомотивом глобального хозяйства. В-четвертых, Китай стал накапливать огромные объемы валютных резервов, значительную часть которых направлял на финансирование дефицита текущего счета США, укрепляя тем самым неолиберальную модель глобального хозяйства (р. 71-72). В результате к 2003 году, по его мнению, глобальная экономика вошла в новую фазу. В странах ядра капиталистического миро-хозяйства (США, Западная Европа, Япония) увеличились корпоративные прибыли, но в то же время усилились экономические дисбалансы. Хотя стимулятором роста мировой экономики по-прежнему остается торговый дефицит США, возможности его финансирования за счет сбережений стран полупериферии и периферии уменьшились. Если в конце 1990-х и начале 2000-х годов большинство этих стран страдали от недостатка внутреннего спроса и пытались его компенсировать путем экспортной экспансии, США не испытывали особых проблем в покрытии нарастающего дефицита текущего счета. По мере же роста мировой экономики, утверждает Ли Минци, стали истощаться излишки производственных мощностей, что начало оказывать повышенное давление на стоимость энергетических и сырьевых ресурсов. Все это привело к тому, что возможности поддержания одновременно растущего спроса в США и остальном мире существенно сократились (р. 82).

Ослабление экономических позиций США выдвигает на повестку дня актуальный вопрос: кто в обозримой перспективе займет их место в качестве лидера мирового хозяйства? Ли Минци полагает, что на эту роль может претендовать только Китай, поскольку Еврозона и Япония ослаблены из-за экономической стагнации, а Индия, Бразилия и Россия недостаточно велики, чтобы претендовать на эту позицию. Однако современный капиталистический Китай сам испытывает

⁷ Количественные оценки «трудовых мигрантов» Китая из сельской местности существенно отличаются в разных источниках. Ли Минци, например, говорит о сотнях миллионов человек. Китайская организация Central Rural Work Leading Group приводит цифру в 130 млн. человек.

жесткое давление внутренних макроэкономических дисбалансов. Если с 2000 по 2006 год доля инвестиций в ВВП выросла с 35 до 43%, то внутреннее потребление за этот период упало с 62 до 50% ВВП. Хозяйственная экспансия Китая осуществлялась исключительно за счет инвестиций и экспорта, а не роста внутреннего благосостояния. 2000-е годы, констатирует китайский социолог, знаменуют собой резкий рост внутреннего экономического и социального неравенства. С 1990 по 2005 год доходы трудящихся на производствах упали с 50 до 37% ВВП. «До тех пор пока китайские трудящиеся продолжают страдать от роста неравенства и стоимости жизни, от недостаточного удовлетворения основных потребностей и безопасности, массовое потребление, скорее всего, окажется незначительным» (р. 89)⁸. Кроме того, к 2010 году Китай, как полагает Ли Минци, исчерпает резерв дешевой трудовой силы, а это наложит существенные ограничения на действующую модель экономического развития. По мере истощения избытка трудовых ресурсов села «трудовые мигранты», считает он, станут более сплоченными и широко выдвинут свои требования. «Политическое поражение китайского рабочего класса проложило путь триумфальному шествию неолиберализма. Подъем нового китайского рабочего класса мог бы снова перенести баланс власти в пользу глобального класса трудящихся» (р. 92). Однако выдержит ли мировое капиталистическое хозяйство подъем Китая?

Для ответа на этот вопрос Ли Минци обращается к исследованию структуры капиталистического миро-хозяйства, которое в соответствии с положениями миро-системного подхода делится на центр, полупериферию и периферию. «Все социальные системы, основанные на эксплуатации подавляющего большинства населения, сталкиваются с вопросом: как может быть предотвращено объединенное сопротивление эксплуатируемого большинства? Без решения этой проблемы весьма маловероятно, что эксплуатирующая система проживет долго. Исторически эта проблема решалась путем разделения большинства на «достаточно большой нижний слой и достаточно малый средний слой». Средний слой является одновременно и эксплуататором, и эксплуатируемым. Правящие элиты, обеспечивая средний слой доступом к части добавочного продукта, выторговывают себе потенциальное политическое лидерство над большинством» (р. 94). Однако для капиталистического миро-хозяйства, политически организованного как межгосударственная система, решение этой проблемы оказывается значительно более сложным: нужно предотвратить вспышки сопротивления внутри государств и отвлечь возможность сплоченного бунта обездоленных государств. Баланс капиталистического миро-хозяйства традиционно обеспечивался за счет выделения небольшой прослойки полупериферийных государств, в свою очередь, эксплуатировавших периферийные государства, но в существенно меньших объемах, чем страны ядра, и вместе с тем отдававших весомую часть своего прибавочного продукта в центр. Со временем количество полупериферийных государств стало расти, и в 1979 году И.Валлерстайн причислял к этой зоне государства, в которых проживало подавляющее большинство населения Земли. В свой черед, эти страны дифференцировались на более обеспеченных и менее обеспеченных. После того как Китай в 2000-е годы стремительно приблизился к когорте обеспеченных государств полупериферии, возник злободневный вопрос: а хватит ли ресурсов у оставшейся части эксплуатируемой периферии, чтобы содержать новую суперструктуру?

Ли Минци рассматривает четыре возможных сценария. Согласно первому, усилия Китая по продвижению к ядру капиталистической миро-системы потерпят крах и приведут к его политической и экономической дезинтеграции. Этот сценарий, считает он, наименее опасен для мировой системы. Второй сценарий предполагает, что подъем Китая нарушит относительную монополию ряда обеспеченных стран полупериферии в их контроле над определенными товарными цепочками и сразу вытолкнет их в зону периферии. Это приведет к росту политических беспорядков и крайне негативно отразится на состоянии мировой системы. Третий сценарий состоит в том, что триумф китайского капитализма не затронет на первом этапе положение государств исторической полупериферии, а ляжет неподъемным грузом на эксплуатируемую периферию. Последствия этого сценария также окажутся неблагоприятными, поскольку резко сократится доля распределяемого прибавочного продукта между странами полупериферии и ядра мировой системы, что непременно приведет к резкому усилению политических трений между ними. Четвертый сценарий заключается в том, что подъем Китая на первых порах не затронет существующую структуру распределения в мировой системе, а будет осуществляться за счет непрерывного роста потребления энергетических и сырьевых ресурсов. Однако расчет Ли Минци показывает, что при сохранении существующих тенденций

⁸ Отметим, что с начала 2009 года руководство Китая перешло к активной политике стимулирования внутреннего спроса, однако проводит эту политику не путем целенаправленного роста заработанных плат, а посредством кредитной накачки спроса.

потребления энергии между 2017 и 2035 годами США, Еврозона, Индия и Китай будут потреблять практически все доступные энергетические ресурсы. Исход этого сценария также окажется неблагоприятным для современной миро-системы (р. 109-112).

Правящие элиты США, высшие круги ослабленного мирового гегемона, утверждает китайский социолог, столкнулись в этой ситуации с тяжелым выбором: признать закат своего лидерства и попытаться провести реструктуризацию мировой системы с целью содействия новому гегемону так, как это делали британские элиты в первой половине XX века, передавая США пальму первенства, или предпринять серию отчаянных попыток спасти и укрепить свое лидерство, рискуя ввергнуть мировое хозяйство в затяжную депрессию или же даже хаос (р. 125). Ситуация осложняется тем, что Китай как потенциальный лидер мировой системы серьезно уязвим в ряде стратегических отношений. Военный потенциал Китая существенно уступает военной мощи США. Китай намного отстает от государств ядра в области технологических разработок и качества научных исследований. Обеспеченность ресурсами китайского хозяйства существенно ниже, чем в государствах ядра мировой системы. Чрезвычайно остро стоят экологические проблемы. Более того, судя по данным экологов, сами по себе современные хозяйственные требования к экологическим системам планеты уже значительно превысили их способность регенерации. Это означает, что уровни потребления стратегических ресурсов достигли пиков и остается мало пространства для маневров и перегруппировок. Поэтому настоятельные попытки Китая вырваться в лидеры, т.е. эксплуатировать большую часть природных ресурсов планеты, неизбежно в скором времени встретят отпор со стороны государств ядра капиталистического миро-хозяйства, до сих пор распоряжавшихся этими ресурсами исключительно для своей пользы. Таким образом, возникает критическая ситуация: хозяйство Китая растет высокими темпами, для поддержания роста требует все большего количества ресурсов, правящие элиты Китая все менее склонны делиться добавочным продуктом с государствами слабеющего ядра, однако не имеют достаточных возможностей защитить свои достижения и обеспечить устойчивую модель развития. Но одновременно, утверждает Ли Минци, и возможности пока еще действующего гегемона США восстановить эффективный контроль над международными делами значительно уменьшились. Капиталистическое миро-хозяйство, реанимированное политикой неоллиберализма, пошло «вразнос» и неудержимо расшатывает основы своей экологической устойчивости.

В отличие от И.Валлерстайна, полагающего, что экспансия капиталистического миро-хозяйства продолжится до 2025 года, Ли Минци исходит из того, что его рост закончится ориентировочно в 2010 году или несколько позднее, как только доллар утратит статус мировой резервной валюты, а мировой уровень добычи нефти начнет неуклонно снижаться⁹. В этой ситуации неизбежно усилят свое отягощающее воздействие те базовые нагрузки, которые неумолимо подрывают глобальное капиталистическое миро-хозяйство, а именно неподъемные для системы высокие зарплаты, налогообложение и затраты на очистку окружающей среды. «Политический и экономический подъем периферии серьезно урежет оставшиеся преимущества зоны ядра. Рентабельность всей системы будет сильно снижена. Совокупная хозяйственная система, основанная на накоплении капитала, сначала станет в значительной мере нестабильной и затем в определенный момент совершенно прекратит функционировать» (р. 179). Но какая же система или системы заменят существующую? Ли Минци приводит следующие соображения. Поскольку, считает он, доминирующая система накопления неминуемо сдаст свои позиции, широкое распространение получат коллективные и государственные формы собственности на средства производства. С другой стороны, коллапс капиталистического миро-хозяйства может привести к существенным разрывам экономических связей, и люди обратятся к индивидуальным и семейным формам ведения хозяйства. Центральной проблемой будущих хозяйственных систем станет экологическая устойчивость и удовлетворение базовых потребностей. Распределение ресурсов в таких системах будет основано не на рыночных, а на политических и социальных принципах. «Посткапиталистическое хозяйство должно быть некой формой планового хозяйства» (р. 180). Однако совершенно не ясно, будет ли капиталистическое миро-хозяйство заменено единой глобальной системой или же множеством миро-систем. Распад существующей миро-системы неизбежно приведет к территориальным замыканиям,

⁹ Ли Минци отводит нефти центральную роль в функционировании современной миро-системы. Судя по данным различных организаций, наблюдающих за мировым производством нефти, пик мировой добычи нефти пройден в 2005 году. Хотя в декабре 2008 года в результате резкого скачка кратковременно был превышен пиковый показатель 2005 года, именно с середины 2000-х годов и до настоящего момента наблюдается медленный понижательный тренд в объемах мировой добычи нефти (подробнее об этом см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Peak_oil).

но в то же время усугубление экологических проблем потребует объединенных усилий для их решения. Также неопределенным остается вопрос, окажутся ли новая система или системы более или менее эгалитарными и демократическими, или же возобладают неравенство и авторитаризм. Правящие элиты, полагает Ли Минци, скорее всего, будут тяготеть в будущем к вариантам установления нефеодализма, в то время как в интересах трудящихся развивать движение к новому социализму. И в этом движении, считает он, есть шансы на успех. Они определяются как организационным, так и институциональным наследием, которое требует адаптации к переходному периоду. Насколько успешным окажется новый социализм, будет зависеть прежде всего от его способности эффективно мобилизовать силы общества перед лицом неизбежных экологических вызовов и возможных катастроф в обозримом будущем.